

Viktorija Bilyk¹

ЦАРСКИЕ РЕПРЕССИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ГРЕКОКАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

К середине XVIII в. из-за отсутствия сильной королевской власти Речь Посполитая оказалась в полной зависимости от своих более сильных соседей – России, Австрии и Пруссии, которые фактически взяли на себя роль гарантов ее государственно-политического устройства, решая кому занимать польский престол. Вступив на русский престол, Екатерина II продолжила начатую еще царями Алексеем и Петром I политику, направленную на присоединение к России украинских и белорусских земель, находившихся в составе Речи Посполитой. Как основной повод для вмешательства во внутренние дела соседнего государства российская дипломатия использовала прием защиты интересов некаатолического населения Польши.

Начало войны с Турцией в 1768 г. вызвало активизацию вопроса о разделе Речи Посполитой. Официальные переговоры по этому поводу между Австрией, Пруссией и Россией начались в январе 1771 г.

В начале 1772 г. заинтересованные стороны достигли предварительного соглашения. Окончательно оно было скреплено в Петербурге 5 августа 1772 г. тремя двухсторонними актами между Пруссией, Австрией и Россией. В результате первого раздела Речи Посполитой 1772 г. к России отошли восточно-белорусские земли.² Политические события в Польше конца 1780-х – начала 1790-х гг. привели ко

1 Dr Viktorija Bilyk (Викторія Билык), Wschodnioeuropejski Narodowy Uniwersytet im. Łesi Ukrainki, Łuck, Ukraina (Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина); e-mail: bilvik@ukr.net.

2 Timothy Snyder, *Rekonstrukcja narodów. Polska, Ukraina, Litwa, Białoruś 1569–1999* (Warszawa, 2006), 136–139; Смотрите также: Śliwa, Tadeusz, „Kościół prawosławny w Polsce”. W: *Historia Kościoła w Polsce*, t. 1 do roku 1764, cz. 1 do roku 1506, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor (Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1974), 254–256; Tadeusz Śliwa, „Kościół prawosławny w państwie polsko-litewskim”, w: *Historia Kościoła w Polsce*, t. 1 do roku 1764, cz. 1 do roku 1506, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor (Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1974), 383–391; Tadeusz Śliwa, „Kościół grekokatolicki w latach 1696–1764”, w: *Historia Kościoła*

второму разделу государства, который Россия осуществила совместно с Пруссией. Соглашение о разделе было подписано в Петербурге 23 января 1793 г. К России отошла центральная Беларусь и Правобережная Украина – Киевское, Брацлавское и Подольское воеводства.

Переход украинских земель под юрисдикцию России предусматривал среди прочего и изменения в церковной жизни, поскольку ситуация в Польше и России в этом плане кардинально отличалась. В Российской империи господствующей была Православная церковь, которая управлялась государственным органом – Священным Синодом. В Речи Посполитой доминирующей была Римско-католическая церковь, кроме которой существовала еще и Греко-католическая церковь; обе были в подчинении папы римского. Униатство для России было малоизвестной конфессией; оно воспринималось новой властью как родственное с католицизмом. В присоединенных к России землях местное население относилось к Униатской церкви, поэтому основное внимание царизма было направлено именно на эту Церковь³.

На ряду с новым административно-территориальным разделом новоприсоединенных территорий также было введено новое церковно-административное деление. Православные приходы должны были входить в состав Минской епархии во главе с архиепископом Минским Виктором (Садковским)⁴. Учитывая изменение

ła w Polsce, t. 1 do roku 1764, cz. 2 do roku 1506, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor (Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1974), 458–478; Tadeusz Śliwa, „Kościół greckokatolicki w Rzeczypospolitej (1764–1795)”, w: *Historia Kościoła w Polsce*, t. 2 1764–1945, cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor (Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979), 105–121; Tadeusz Śliwa, „Kościół prawosławny w Rzeczypospolitej (1764–1795) i w Księstwie Warszawskim (1807–1815)”, w: *Historia Kościoła w Polsce*, t. 2 1764–1945, cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor (Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979), 121–128; Tadeusz Śliwa, „Kościół greckokatolicki w zaborze rosyjskim (1772–1815)”, w: *Historia Kościoła w Polsce*, t. 2 1764–1945, cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor (Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979), 219–235; Tadeusz Śliwa, „Kościół greckokatolicki w zaborze austriackim (1772–1815)”, w: *Historia Kościoła w Polsce*, t. 2 1764–1945, cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor (Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979), 288–301; Tadeusz Śliwa, „Kościół greckokatolicki na «Ziemiach zabranych» (1815–1875)”, w: *Historia Kościoła w Polsce*, t. 2 1764–1945, cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor (Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979), 497–503; Tadeusz Śliwa, „Kościół greckokatolicki w królestwie Polskim (1815–1875)”, w: *Historia Kościoła w Polsce*, t. 2 1764–1945, cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor (Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979), 503–511; Tadeusz Śliwa, „Kościół greckokatolicki w Galicji (1815–1918)”, w: *Historia Kościoła w Polsce*, t. 2 1764–1945, cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor (Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979), 628–649.

3 Яуген Анішчанка, *Беларусь у часы Кацярыны II* (Мінск: Веды, 1998), 28–29.

4 Ип. Липский, „Воссоединение униатов на Волыни в 1794–1795 гг. по документах Волынской духовной консистории за 1795 г.”, *Волынские епархиальные ведомости* 26 (1880): 1168. Смотрите также: Florentyna Rzemieniuk, *Unicy polscy 1596–1946* (Siedlce, 1998); Julian Pelesz, *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart*, bd. 1 (Wien, 1878); Edward Likowski, *Historia unii Kościoła ruskiego z Kościołem rzymskim* (Poznań, 1875); Edward Likowski, *Dzieje Kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku*, t. 1 (Warszawa, 1906); Hanna Dylągowa, „Kościół Unicki na ziemiach Rzeczypospolitej 1596–1918. Zarys problematyki”, *Przegląd Wschodni* 2, 2 (1992/93): 257–287; Waleriana Kalinka, *Schizma i unia. Dwie konferencje powiedziane w kościele P. Maryi w Krakowie 16 i 17 marca 1883 r.* (Lwów, 1883); Irena Wodzianowska, *Zmierzch Unii. Struktury terytorialne i personalne Cerkwi greckokatolickiej w drugiej połowie XVIII wieku na Braclawszczyźnie* (Lublin–Tczew, 2018).

политической ситуации, в Петербурге актуализировался вопрос об обращении униатов в православие. Толчком к массовому присоединению униатов к Православной церкви стал императорский указ от 22 апреля 1794 г. „Об устранении всяких препятствий в обращении униатов к Православной Греческой Церкви”. К указу прилагалась Пастырская грамота архиепископа Минского Виктора. В указе, в частности, говорилось, что жители многих населенных пунктов, находящихся в унии с Римской церковью, изъявили желание присоединиться к Православной церкви. Далее говорилось, что Екатерина II распорядилась, чтобы архиепископ Минский Виктор провозгласил Пастырскую грамоту, которая бы сообщала о начале обращения униатов в православие. Ее обнародование должно было осуществляться во всех городах и селах Волынского, Брацлавского и Подольского наместничеств в присутствии членов земской полиции для обеспечения порядка⁵.

В мае 1794 г. генерал-поручик Тимофей Тутолмин передал архиепископу Виктору (Садковскому) заранее напечатанный текст Пастырской грамоты (всего более двух тысяч экземпляров). Указ и Пастырскую грамоту было решено некоторое время держать в секрете, чтобы иметь время для подготовки необходимых мероприятий. Священный Синод назначил на помощь архиепископу Виктору настоятеля Дятеловицкого Преображенского монастыря, члена Минской духовной консистории, архимандрита Варлаама (Шишацкого, впоследствии епископа Житомирского, с 1799 г. переименованного в Волынского)⁶. Также Синод определил пять епархий, из которых архиепископ Виктор мог приглашать православных священников для осуществления обращения (Киевская, Могилевская, Смоленская, Черниговская и Новгородская)⁷. К концу 1794 г. с этой целью из Киевской епархии прибыло 40 священников, Черниговской – 57, Смоленской – 50; общее количество прибывших для обращения православных священников достигло 200. Также Синод издал архиепископу Минскому для проведения акции 20 000 рублей и приказал военным гарнизонам предоставлять в его распоряжение столько военных отрядов, сколько будет необходимо для миссионерских целей или охраны⁸.

26 мая 1794 г. Садковский в Слуцке объявил Пастырскую грамоту, в которой доказывал, что уния была накинута православным силой, теперь каждый может вернуться к православию. В июне того же года архиепископ Виктор распространил

5 *Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое 1649–1825 гг. (в 45 т.)*, т. XXIII: 1789 – 6 ноября 1796 г. (Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.), № 17199.

6 Липский, „Воссоединение униатов на Волыни в 1794–1795 гг. по документах Волынской духовной консистории за 1795 г.”, 1168; Dylągowa, „Kościół Unicki na ziemiach Rzeczypospolitej 1596–1918. Zarys problematyki”, 257–287.

7 Степан Рункевич. *История Минской архиепископии (1793–1832)* (Санкт-Петербург, 1893), 178.

8 Marian Radwan, *Carat wobec Kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim 1796–1839* (Roma, Lublin: Polski Instytut Kultury Chrześcijańskiej, 2001), 28; Смотрите также: Tadeusz Śliwa, „Kościół greckokatolicki w zaborze rosyjskim (1772–1815)”, w: *Historia Kościoła w Polsce*, t. 2 1764–1945, cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor (Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979), 219–235.

среди православных благочинных правительственную инструкцию, где подробно были изложены советы и методы выполнения указа. Согласно инструкции, священников, которые отказывались переходить в православие, выгоняли из приходов. Из церквей изымались греко-униатские антиминсы и святое миро и заменялись православными. Временно разрешалось осуществлять службы без иконостасов⁹. Приход же считался навернутым на православие, если в селе хотя бы половина жителей готова была перейти в новую конфессию. Тогда церковь заново освящали, а на место униатского, если он отказывался перейти в православие, назначали православного священника¹⁰.

Бывшие Волынское, Киевское и Подольское воеводства, в которых проходило обращение, были разделены на 34 округа (впоследствии их количество было сокращено до 27) и в каждую округу назначался благочинный¹¹. На помощь благочинным предоставлялись один-два помощника из священников и один канцелярист. Они должны были отчитываться церковному руководству о выполнении каждой задачи, представлять сведения об униатах, перешедших в православие, вместе с перечнем обращенных священников, церквей, сел и количеством жителей в них. Кроме того, требовалось поименно называть всех членов семьи священника, перешедшего в православие. Подавались также списки священнослужителей, которые отказались отречься унии, с указанием тех православных священников, кому были переданы их приходы. Все эти сведения отправлялись епископу Виктору в Слуцк.

Нередко благочинные попадали в сложные ситуации. Дело обращения требовало от них больших усилий, достаточных богословских знаний, которыми они обычно не обладали. В одном из писем к архимандриту Варлааму благочинный (имя не указано) писал: „Народ требует объяснения, в чем заключается различие между унией и православием, а поскольку я не могу ответить на этот вопрос, то спасаюсь отговорками, что я приехал не на диспуты, а лишь для обращения желающих”¹². По просьбе этого благочинного архимандрит уволил его.

Согласно императорскому указу от 22 апреля 1794 г. порядок обращения должен был происходить следующим образом: Пастырская грамота зачитывалась в присутствии представителя светской власти и благочинного. После этого помощники благочинного составляли от имени прихожан заявления, в которых выражали желание перейти в православие. Поскольку крестьяне были неграмотными, то только ставили под этими заявлениями крестики. Тогда акт обращения считался состоявшимся. Однако прихожане-униаты не желали оставлять унию, поэтому

9 *Законоположения и правительственные распоряжения до Римско-католической церкви в России относящиеся со времени царствования царей Петра и Иоанна Алексеевичей с 1669 по 1867 год включительно* (Вильно: Тип. А. Киркора, 1868), 133–134.

10 Государственный архив Житомирской области (далее – ГАЗО), ф. 1, оп. 1, д. 337, л. 15.

11 Рункевич. *История Минской архиепископии (1793–1832)*, 183–191.

12 Липский, „Воссоединение униатов на Волыни в 1794–1795 гг. по документах Волынской духовной консистории за 1795 г.”, 1171.

в первые месяцы акция не дала ожидаемых результатов: за июнь-июль 1794 г. к Православной церкви было присоединено лишь несколько приходов¹³.

Обращение униатов приобрело массовый характер, когда правительство начало привлекать карательные отряды. Благодичные вместе с военными, прибыв в деревню, приказывали звонить в колокола и созывать прихожан. Когда крестьяне собирались, священник уговаривал их принять „благочестие”. Если люди молчали или откровенно отвечали, что хотят остаться в униии, солдаты начинали бить их. Когда и это не помогало, то закрывали церковь, а греко-униатского священника вместе со старшими людьми церковной общины на несколько недель заключали под стражу. Как правило, после этих издевательств находились желающие быть православными. Достаточно было лишь нескольким прихожанам перейти на „благочестие”, как все село считалось обращенным¹⁴.

Конечно, официально такие методы не были утверждены и о них в Петербург никто не докладывал, хотя там об этом, несомненно, знали. Подтверждением этому является записка Могилевского чиновник Г. И. Добрынина, в которой он писал: „Некоторые докладывают: обратил церковь, две, три. И только губернское правление получает такой отчет, а с противоположной стороны получает другой – от униатского духовенства, от прихожан, а обтекаемым образом – от помощников благодичных, что униаты обращены принудительно, что церковь отобраана насильно”¹⁵.

Прихожане и священники, а также местные помещики, на землях которых располагались церкви, оказали активное сопротивление обращению. Это сопротивление имело разные формы – от мирных протестов до вооруженных выступлений. Например, во время обращения в августе 1794 г. униатов в городке Ялтушков, что входил в Литичивскую округу, местный униатский священник запугивал прихожан, утверждая, что кто примет православие, тот будет наказан через повешение. Тогда же владельцы сел Подлесные Ялтушки и Луки помещики Рациборовский и Потоцкий во время обращения препятствовали благодичному Федору Бетулевичу, отобрали у него ключи от местных храмов, запрещали своим крестьянам принимать православие. Благодичному в городке Ялтушков, селах Подлесные Ялтушки и Слободки удалось убедить перейти в православие только 83 человека¹⁶.

По-другому выразил свое недовольство „переосвящением” в 1794 г. местной церкви владелец села Яблонька Ковельского уезда Кароль Богуцкий. Он построил в своем дворе часовню для униатов, где правил и предоставлял духовные требы местный священник¹⁷. Препятствовала обращению и владелица города Ровно княгиня Любомирская, которая запретила своим подданным принимать православие.

13 Рункевич, *История Минской архиепископии (1793–1832)*, 191.

14 Государственный архив Волынской области (далее – ГАВО), ф. 382, оп. 2, д. 94, л. 50.

15 *Уния в документах* (Сб. Сост. В.А.Теплова, З.И.Зуева. Минск: Лучи Софии, 1997), 415.

16 Государственный архив Хмельницкой области (далее – ГАХО), ф. 315, оп. 1, д. 1, л. 2, 3–4 об.

17 ГАЖО, ф. 1, оп. 4, д. 175, л. 338–338 об.

В селе Подлужье Дубенского уезда местный помещик не позволил православному священнику занять дом греко-униатского священника, утверждая, что это его дом и он сам решает, кому в нем жить¹⁸.

Иногда протесты переросли в настоящие бунты, как это произошло в октябре 1794 г. в городе Краснополь Житомирского уезда, владелец которого Бартоломей Гижицкий со своими слугами избил и выгнал за пределы города благочинного и его помощников, а литургию продолжал править униатский священник. Определенные сложности в обращении происходили и по вине местных властей. Перед началом акции благочинный приезжал в Житомир к губернатору, где получал документы на право бесплатного пользования гужевым транспортом для поездок, а также средства для организации православных приходов. Однако эти средства были настолько мизерными или вообще не выплачивались, что благочинные не могли достигать в своей работе ожидаемых от них результатов. Например, игумен Ржищевского Преображенского монастыря Гервасий, благочинный Овруцкой округи, прислал архимандриту Варлааму жалобу, что ему вообще не выплачивают жалованье уже в течение пяти месяцев. Учитывая это он просил, чтобы его освободили от обязанностей благочинного, а когда получил увольнение, то без разрешения вернулся в свой монастырь¹⁹.

Сам губернатор Изяславской (позднее – Волынской) губернии граф Василий Шереметев советовал не спешить с обращением униатов в православие, чтобы не вызвать недовольство помещиков. Такие советы губернатора были продиктованы ситуацией, сложившейся на данный момент (активно развивалось польское восстание под руководством Тадеуша Костюшко). Кроме того, генерал-губернатор Минской, Изясловской и Брацлавской губерний Т. Тутолмин в своем секретном послании к губернатору В. Шереметьеву от 26 сентября 1794 г. подчеркивал, что проводить обращения необходимо прежде всего в тех местностях, где население приняло унию недавно, а потому легко перейдет в православие²⁰. Сами униаты распространяли слухи, что обращение в православие проводится без ведома императрицы, поэтому уния снова будет восстановлена, а всех, кто ее предал, ожидает наказание.

Кроме этого, безответственно относились к своим обязанностям и представители светской власти – окружные начальники и их помощники. Они были обязаны знакомить население присоединенных земель и греко-униатское духовенство с Пастырской грамотой, но не всегда это делали. Например, надзиратель Корецкой округи ротмистр Китовский также отказался содействовать в присоединении местной Николаевской церкви к православию. А когда в Корец прибыл новый

18 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 164.

19 Липский, „Воссоединение униатов на Волыни в 1794–1795 гг. по документах Волынской духовной консистории за 1795 г.”, 1172.

20 Ип. Липский, „Воссоединение униатов на Волыни в 1794–1795 гг. по документах Волынской духовной консистории за 1795 г.”, *Волыньские епархиальные ведомости* 3 (1880): 147.

уездный начальник ротмистр Бем, то дело обращения униатов вообще приостановилась, поскольку он мало интересовался этой проблемой и везде повторял, что для него нет разницы кто перед ним: униат, католик или православный.

Получив информацию о подобных случаях, генерал-губернатор Т. Тутолмин уже 16 декабря 1794 г. направил волыньскому губернатору В. Шереметьеву письмо с требованием выяснить, почему местные полицейские чиновники не только не помогают в обращении, а наоборот, препятствуют. Губернатор получил приказ рассмотреть ряд жалоб благочинных: на греко-униатского пресвитера Белопольского, земского надзирателя Паскаля, комиссара Елтушевского, помещика Рациборовского, официала Матковского, окружного земского надзирателя Мальденгаура, помещика Дульского, протоиерея Орановича и других²¹. Виновников должны были отправить к генерал-губернатору, чтобы, во-первых, наказать их, во-вторых, чтобы убедить Синод в наличии строгого контроля за ситуацией в регионе со стороны местных властей и принятии ими необходимых мер. Екатерина II, узнав, что на присоединенных землях оказывают сопротивление обращению, а местные власти медлят с принятием кардинальных шагов, выразила свое недовольство и приказала с помощью войск повсюду обнародовать Пастырскую грамоту и продолжить обращать униатов в православие.

Привлечение карательных отрядов к акции обращения униатов к Православной церкви способствовало резкому уменьшению количества прихожан униатской конфессии. Например, в рапорте благочинного Летичевской и Барской (переименованной позже в Вербовецкую) округ Федора Бетулевского от 12 декабря 1794 г. в Минскую духовную консисторию отмечалось, что в течение августа-ноября он освятил в православие церкви в 82 населенных пунктах, унию оставили 38 627 верных и 78 священников (12 священников отказались принять православие). В январе 1795 г. в Летичевской округе было освящено еще 5 церквей, обращены 2 326 униатов и три священника (еще священники остались в унии). В апреле 1795 г. благочинный Федор Бетулевский рапортовал о проведении на Подольи обращения в 87 населенных пунктах, в результате чего на православие было „переосвящено” 90 церквей, унию оставило 40 953 верных и 86 священников со своими семьями, всего 41 246 человек²². Кроме того, в течение 1794–1795 гг. в Гайсинском и Рашковском уездах из унии в православие перешло еще 153 церкви и 120 священников²³.

27 октября 1794 г. архиепископ Виктор докладывал Священному Синоду, что в Минской епархии за август-октябрь к Православной церкви присоединились 333 093 человека греко-униатского вероисповедания, 721 приход, 463 священника,

21 Ип. Липский, „Воссоединение униатов на Волыни в 1794–1795 гг. по документах Волынской духовной консистории за 1795 г.”, *Волыньские епархиальные ведомости*. 2 (1880): 89.

22 ГАХО, ф, 315, оп. 1, д. 1, л. 13–17, 29.

23 Богдан Хітлач, „Економічне життя василіанських монастирів на Поділлі (XVIII – I третина XIX ст.)”, *Київська старовина* 6 (2008): 35.

а 258 священников сохранили верность унии²⁴. В его же рапорте Синоду от 28 февраля 1795 г. отмечалось, что в православие перешло еще 100 219 верующих, 1 032 священника и 1 607 церквей. Всего же на начало 1795 г. в присоединенных к России землях унию покинули 1 333 312 верующих, 1 495 священников и было „переосвящено” 2 328 храмов²⁵.

Новый этап в обращении униатов в православие начался после последнего раздела Польши. Поражение польского восстания 1794 г. спровоцировало третий раздел Речи Посполитой и окончательную ликвидацию польского государства. 3 января и 24 октября 1795 г. были подписаны соответственно русско-австрийский и русско-прусский трактаты, которые окончательно закрепили за Россией Литву, Западную Белоруссию, Волынь, Киевщину и Подолье.

В 1795 г. обращение униатов в православие активизировалось, хотя Екатерина II и пыталась придать этому процессу исключительно добровольный характер: 10 января 1795 г. появился указ „О неприменении принудительных мер при обращении униатов в греко-российскую веру”²⁶. В нем больше внимания уделялось необходимости защиты уже обращенных прихожан. Отмечалось, что за греко-униатскими священниками, которые перешли в православие, сохраняется имущество, они не лишаются приходов. Среди униатских священников даже ходил слух о том, что те из них, которые примут православную веру, будут освобождены от налогов (своеобразных добровольных пожертвований на церковь). Поэтому священники Теофиопольской округи написали жалобу на имя губернатора, в которой заявили, что они продолжают платить налоги, а кроме того, помещики их презирают, не дают земли, а „переосвященные” церкви лишены фундушов. Чтобы уладить этот вопрос, губернатор В. Шереметьев 1 марта 1795 г. издал распоряжение об освобождении священников Изяславской (впоследствии Волынской) губернии, которые перешли в православие, от уплаты добровольных взносов²⁷.

Нехватка православных священников отразилась на процессе обращения, поскольку, если прихожане переходили в православие, а не было православного священника, то они продолжали обращаться за пастырской опекой к униатским или римско-католическим священникам, как, например, это было в городе Корце²⁸. Очень часто „переосвященные” церкви из-за отсутствия православного священника пустовали, в них не проводились богослужения²⁹. Возникла проблема замещения вакантных приходов, ведь с 1 607 „переосвященных на православие” церквей в 575 из них священники остались в унии. 22 марта 1795 г. вышло распо-

24 Михаил Коялович, *История воссоединения западно-русских униатов старых времен* (Санкт-Петербург: Синодальная тип., 1873), 361.

25 Radwan, *Carat wobec Kościoła grekokatolickiego w zaborze rosyjskim 1796–1839*, 29.

26 *Полное собрание законов Российской империи*, № 17290.

27 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 1–12.

28 ГАЖО, ф. 1, оп. 2, д. 82, л. 28–33.

29 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 329, л. 1–3.

ряжение Синода о направлении православных священников в Минскую епархию, хотя епископ Виктор считал, что такой необходимости нет³⁰. Вскоре стало понятно, что униатские священники не спешат переходить в православие, поэтому в епархиальное управление стали поступать письма от благочинных разных округ с сообщениями о недостатке православных священников и просьбами направить их из других епархий³¹. В декабре 1795 г. епископ Виктор все же направил соответствующие документы в соседние православные епархии. В вакантные приходы прибыло 117 священников: с Киевской епархии – 42, Черниговской – 19, Брацлавской – 56³². Однако многие приходы и в дальнейшем оставались незанятыми, поэтому иногда, чтобы уменьшить их количество, такие приходы объединяли. Например, приход села Большие Дедеркалы Ямпольского уезда был присоединен к приходу соседнего села Волковец³³.

К православным священникам переходили плебании греко-униатских священников, за что последним выплачивалась определенная сумма, хотя были случаи, когда униаты не получали обещанные деньги по несколько лет³⁴. Понимая безысходность своего положения, часть униатского духовенства сразу переходила в православие. Некоторые священники, убедившись, что лишены каких-либо средств к существованию, впоследствии тоже принимали православие. Например, 15 июня 1796 г. в Корецкое духовное правление поступило заявление от священника Федора Львовича, у которого отобрали приход зимой 1795 г., о желании принять православную веру. Такого же содержания заявление 16 июля 1796 г. написал униатский священник села Лище Луцкого уезда Антоний Мархалевич на имя житомирского епископа Варлаама Шишацкого. В нем он назвал причину своего шага – бедность³⁵. Заявление это было удовлетворено, но при этом священник составил следующую присягу: „Я, нижеименований, клянусь всемогущим Богом перед Святым Евангелием в том, что я уверен в ложности униатской веры. Истинно это признаю и истинно ее отрекаюсь, искренне обращаюсь в Православную церковь и пробуду в ней до последнего своего вздоха”³⁶. Анализ подобных заявлений позволяет утверждать, что писались они по заранее подготовленным образцам.

В начале осени 1795 г. был сделан решающий шаг в процессе наступления власти на униатские церкви: 6 сентября 1795 г. вышел указ „О предписания оставленных в этих губерниях в унии монастырей и церквей в епархии Белорусской”³⁷. В нем

30 Рункевич, *История Минской архиепископии (1793–1832)*, 212.

31 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 239, л. 4–8.

32 Липский, „Воссоединение униатов на Волыни в 1794–1795 гг. по документах Волынской духовной консистории за 1795 г.”, 78.

33 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 239, л. 1–5.

34 ГАВО, ф. 382, оп. 2, д. 14, л. 8.

35 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 306, л. 1.

36 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 306, л. 5.

37 *Полное собрание законов Российской империи*, № 17384.

говорилось о ликвидации (среди прочих) таких греко-униатских епархий: Луцкой, Киевской митрополичьей и Владимирской. Униатские монастыри и церкви Волынской, Подольской и Брацлавской губерний приписывались к Белорусской епархии и переходили в ведение архиепископа Полоцкого Ираклия Лисовского. Он довольно лояльно относился к церковной политике царизма³⁸. Тогда же архиепископ получил распоряжение Екатерины II провести описание всех греко-униатских церквей с указанием количества униатов. И. Лисовский остался архиепископом для более чем 2 500 000 верных³⁹.

После ликвидации Киевской митрополии митрополиту Феодосию Ростовскому была назначена пенсия в размере 6 тыс. рублей и право выбора места жительства – в Петербурге или Риме⁴⁰. Кроме того, шестой пункт указа решал судьбу так называемых „безместных” греко-униатских священников, оставшихся без приходов в результате „переосвящения” значительного количества греко-униатских церквей в православие и перехода верных в православную конфессию: они могли выехать на постоянное место жительства за границу, а тем, что решили остаться, назначалась пенсия в размере 50–100 рублей в год⁴¹.

После обнародования указа от 6 сентября 1795 г., начался массовый переход униатов в православие. В Волынском, Брацлавском и Подольском наместничествах в начале 1796 г. Православная церковь пополнилась еще 145 765 прихожанами, а всего в захваченных Россией у Польши землях православие приняло около полутора миллиона человек⁴².

В Петербурге внимательно следили за процессом обращения. Синод требовал составлять не только списки „переосвященных” церквей и закрытых монастырей, но и предоставлять сведения о еще существующих греко-униатских церквях и василианских монастырях вместе с перечнем всего принадлежащего им движимого и недвижимого имущества⁴³. Например, в Государственном архиве Винницкой области хранится письмо Брацлавского губернатора Федора Берхмана к бершадскому городничему, капитану Грунеру с указаниями, как вести себя с униатским духовенством, датированное 21 октября 1795 г.⁴⁴ Городничий должен был подать подробные сведения обо всех греко-униатских церквях и василианских монастырях, составить списки „безместных” священников с указанием тех, кто

38 Володимир Осадчий, „Ілюзії чи відчай? Лист архієпископа полоцького Іраклія Лісовського на тлі історії унії в Російській імперії наприкінці XVIII ст.”, *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej* 5 (2007): 221.

39 Radwan, *Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim 1796–1839*, 35. Смотрите также: Śliwa, „Kościoł greckokatolicki w zaborze rosyjskim (1772–1815)”, 219–235.

40 Рункевич, *История Минской архиепископии (1793–1832)*, 171.

41 *Полное собрание законов Российской империи*, № 17384.

42 Липский, „Воссоединение униатов на Волыни в 1794–1795 гг. по документах Волынской духовной консистории за 1795 г.”, 212.

43 ГАВО, ф. 382, оп. 3, д. 3, л. 2–2 об.

44 Олександр Петренко, *Брацлавське намісництво* (Вінниця: Велес, 2001), 81–84.

желает выехать за границу, и тех, кто хочет остаться, а также строго следить за всем униатским духовенством и монахами.

Параллельно с процессом „присоединения” униатов к Православной церкви вводились в „переосвященных” церквях православные обычаи и обряды, чтобы не было никаких различий ни в обрядности, ни во внешнем виде православных русских и обращенных из унии священников. В феврале 1796 г. епископ Варлаам Шишацкий распространил среди духовенства указ Екатерины II „О запрете во всех уездах этой [Минской] епархии присоединенным из унии к благочестию священникам брить бороды и о ношении одежды, достойной духовного сана”⁴⁵. Священники были обязаны давать местным благочинным письменные обязательства выполнять этот указ. 24 марта 1796 г. православная консистория издала распоряжение о введении в „переосвященных” церквях богослужения по православному образцу. Изменения касались литургии, подготовки прихожан к исповеди и причастию, способа креститься (ознаменование себя крестом) и обряда крещения младенцев⁴⁶. Местные власти внимательно следили за выполнением правительственных и церковных решений, непокорных под конвоем отправляли в Острог (здесь располагалась резиденция епископа Варлаама и православная духовная консистория), где и решалась их дальнейшая судьба.

Униатское духовенство жаловалось, что обращение осуществляется насильственными методами, с привлечением к делу военных, а православные священники отбирают у „безместных” греко-униатских землю и помещения. 28 мая 1796 г. вышло распоряжение генерал-губернатора Т. Тутолмина о создании комиссий для разбора конфликтов между униатскими и православными священниками. В состав комиссий входило несколько судей и представитель православного духовенства⁴⁷. Понятно, что при таких условиях не следовало надеяться на положительное решение дел. И само правительство неоднократно подчеркивало, что жалобы являются выдумками греко-униатских священников, поскольку обращение проводится добровольно, без применения силы⁴⁸. Однако жалобы были настолько частыми, что власти были вынуждены на них реагировать.

18 августа 1796 г. епископ Варлаам получил письмо от генерал-губернатора Т. Тутолмина, в котором тот сообщал о жалобе жителей города Любомль Владимир-Волынского уезда на то, что они были „присоединены” к православию принудительно. Благочинный Василий Малеванский прибыл в Любомль в ярмарочный день. Тогда и провел обряд обращения пьяных горожан, а также двух местных униатских священников. Однако часть жителей города оказала сопротивление военным и не позволила завершить обращение⁴⁹.

45 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 142, л. 2.

46 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 141, л. 5–5 об.

47 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 282, л. 1–17.

48 *Законоположения и правительственные распоряжения до Римско-католической церкви*, 138.

49 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 361, л. 1–1 об.

К генерал-губернатору доходили сведения и о том, что благочинные самостоятельно, без полиции и представителей власти, выезжают в села, обещают крестьянам освобождение от налогов и барщины и таким образом склоняют их к православной вере⁵⁰. Т. Тутолмин в очередной раз советовал при обращении зачитывать Пастырскую грамоту в присутствии достаточного количества военных, проявлять заботу и уважение к людям, обращать в первую очередь верующих, а уже потом священников. Епископ Варлаам отреагировал на это письмо распоряжением от 11 сентября 1796 г. благочинным всех округ, особенно Луцкой и Ковельской, где было зафиксировано больше всего нарушений, проводить обращение согласно инструкции, не выходя за ее рамки⁵¹.

Поскольку ни униатское духовенство, ни прихожане не имели реальной возможности получить положительный ответ на свои жалобы, они продолжали различными способами сопротивляться и обращению, и жестоким действиям власти. Например, в селе Новоселки Луцкого уезда прихожане не соглашались перейти в православие, поэтому 29 активных протестующих были подвергнуты судебному преследованию, но и в дальнейшем крестьяне отказывались быть православными⁵².

Униатские священники, узнав о приезде благочинного с целью присоединения, закрывали церковь и по какой-либо причине уезжали из деревни. Были случаи, когда они самовольно открывали уже „пересвященную” церковь и служили там, или совершали богослужения в дворовых часовнях помещиков. Например, в декабре 1796 г. униатский священник Степан Пашицкий служил литургию по греко-униатскому обряду в домах помещиков сел Бушинцы и Бабчинцы Ямпольского уезда⁵³. Иногда при поддержке местного помещика, но без разрешения высшего духовенства, прихожане строили униатские часовни, как в селах Новоселки Владимир-Волынского уезда, Кардишев Кременецкого уезда, городке Торговица, селах Литишин, Баковцы, Рыкали Дубенского уезда, Белосток Луцкого уезда⁵⁴.

Чтобы не принимать православие, униатское духовенство переходило в римско-католическую конфессию и регистрировало церковь как костел. Униатские „безместные” священники занимали свободные католические приходы. В письме генерал-губернатора Т. Тутолмина от 4 апреля 1796 г. римско-католическому митрополиту Богуш-Сестренцевичу указано, что католиками стали 79 униатских священников и 25 монахов василиан⁵⁵.

Не только духовенство оказывало сопротивление действиям власти. Сами прихожане как и раньше не проявляли желания переходить из унии в православие.

50 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 36, л. 1.

51 ГАЖО, ф. 1, оп. 1, д. 361, л. 2–3.

52 ГАВО, ф. 382, оп. 3, д. 3, л. 3.

53 Петренко, *Брацлавське намісництво*, 288.

54 ГАВО, ф. 382, оп. 3, д. 3, л. 86.

55 *Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов*, т. 2, 1701–1839 (Санкт-Петербург: Синодальная Тип., 1907), 527–530.

Многие из них, хотя и заявили о своем обращении, на самом деле и в дальнейшем получали требы от униатских священников. Например, 31 августа 1796 г. на сообщение Брацлавской духовной консистории Брацлавское наместническое правление выдало резолюцию о возвращении священника и прихожан села Чернятина Махновского уезда в унию. В резолюции отмечалось, что крестьяне приняли православие 27 августа 1795 г., но местный греко-униатский священник Иван Кудрицкий продолжал служить по униатскому обряду в местной Святодмитриевской церкви, давал требы жителям села, из-за чего те вернулись назад в унию⁵⁶.

Случалось так, что только заявив о „присоединении” к православию, прихожане тут же возвращались в унию. Иногда это было обусловлено недостойным поведением православного священника⁵⁷. Важную роль в сопротивлении обращению играли и монахи-василиане. Например, в Баре, Белостоке, Почаеве, Луцке они всячески убеждали местных жителей, которые приняли православие, вернуться обратно в унию⁵⁸.

Вторая половина 1796 г. характеризуется замедлением процесса „присоединения” униатов к православию на землях бывшей Речи Посполитой. К тому времени результаты обращения были весомыми.

Итак, до 1772 г. в Речи Посполитой насчитывалось 9 452 униатские приходы, входившие в восемь епархий. Вследствии разделов страны в пределах Российской империи оказалось 5 865 униатских приходов. В ходе „присоединения” униатов к концу 1796 г. на православие перешло более 2 600 приходов (44,3% от общего количества униатских приходов), унию оставило 1 552 священника и 1 538 890 прихожан, из которых на Волыни, Киевщине и Подольи – 1 415 326 (92% от общего количества прихожан), остальные – в белорусских землях.

Таким образом, в годы правления Екатерины II на инкорпорированных Россией от Речи Посполитой украинских землях состоялся первый этап извлечения униатов из-под юрисдикции Римско-католической церкви и обращения их в православие, который приобрел массовый характер. Этому способствовало агрессивное вмешательство российских властей в религиозную жизнь населения Правобережной Украины, использование правительством жестких методов в процессе „присоединения” униатов к Православной церкви. Особенно впечатляющими последствия „присоединения” были в Киевской и Подольской губерниях, где позиции Униатской церкви были значительно слабее, чем на Волыни, а большинство земель и имущества перешло во владение российской знати. В Подольской губернии, например, к концу XVIII в. фактически не осталось униатских приходов, тогда как на Волыни их численность все еще оставалась весьма высокой.

56 Петренко. *Брацлавське намісництво*, 277–279.

57 ГАЖО, ф. 1, оп. 2, д. 82, л. 83–84 об.

58 ГАВО, ф. 382, оп. 2, д. 14, л. 2.

Библиография

- Государственный архив Волынской области (далее – ГАВО), ф. 382, оп. 2, д. 14.
 ГАВО, ф. 382, оп. 2, д. 94.
 ГАВО, ф. 382, оп. 3, д. 3.
 Государственный архив Житомирской области (далее – ГАЗО), ф. 1, оп. 1, д. 36.
 ГАЗО, ф. 1, оп. 1, д. 141.
 ГАЗО, ф. 1, оп. 1, д. 142.
 ГАЗО, ф. 1, оп. 1, д. 239.
 ГАЗО, ф. 1, оп. 1, д. 282.
 ГАЗО, ф. 1, оп. 1, д. 306.
 ГАЗО, ф. 1, оп. 1, д. 329.
 ГАЗО, ф. 1, оп. 1, д. 337.
 ГАЗО, ф. 1, оп. 1, д. 361.
 ГАЗО, ф. 1, оп. 2, д. 82.
 ГАЗО, ф. 1, оп. 4, д. 175.
 Государственный архив Хмельницкой области, ф. 315, оп. 1, д. 1.
Законоположения и правительственные распоряжения до Римско-католической церкви в России относящиеся со времени царствования царей Петра и Иоанна Алексеевичей с 1669 по 1867 год включительно. Вильно: Тип. А. Киркора, 1868.
Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. Т. 2. 1701–1839. Санкт-Петербург: Синодальная Тип., 1907.
Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. (в 45 т.). Т. XXIII: 1789 – 6 ноября 1796 г. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
Уния в документах. Сб. / Сост. В.А.Теплова, З.И.Зуева. Минск: Лучи Софии, 1997.
 Анішчанка, Яуген. *Беларусь у часы Кацярыны II.* Мінск: Веды, 1998.
 Коялович, Михаил. *История воссоединения западно-русских униатов старых времен.* Санкт-Петербург: Синодальная тип., 1873.
 Липский, Ипполит. „Воссоединение униатов на Волыни в 1794–1795 гг. по документах Волынской духовной консистории за 1795 г.?. *Волынские епархиальные ведомости* 2 (1880): 78–89.
 Липский, Ипполит. „Воссоединение униатов на Волыни в 1794–1795 гг. по документах Волынской духовной консистории за 1795 г.?. *Волынские епархиальные ведомости* 3 (1880): 147–212.
 Липский, Ипполит. „Воссоединение униатов на Волыни в 1794–1795 гг. по документах Волынской духовной консистории за 1795 г.?. *Волынские епархиальные ведомости* 26 (1880): 1168–1174.
 Осадчий, Володимир. „Ілюзії чи відчай? Лист архієпископа полоцького Іраклія Лісовського на тлі історії унії в Російській імперії наприкінці XVIII ст.?. *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej* 5 (2007): 218–225.
 Петренко, Олександр. *Брацлавське намісництво.* Вінниця: Велес, 2001.

- Рункевич, Степан. *История Минской архиепископии (1793–1832)*. Санкт-Петербург, 1893.
- Хітлач, Богдан. „Економічне життя василіанських монастирів на Поділлі (XVIII – I третина XIX ст.)”. *Київська старовина* 6 (2008): 23–37.
- Dyłałowa, Hanna. „Kościół Unicki na ziemiach Rzeczypospolitej 1596–1918. Zarys problematyki”. *Przegląd Wschodni* 2, 2 (1992/93): 257–287.
- Kalinka, Waleriana. *Schizma i unia. Dwie konferencje powiedziane w kościele P. Maryi w Krakowie 16 i 17 marca 1883 r.* Lwów, 1883.
- Likowski, Edward. *Dzieje Kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku*. T. 1. Warszawa, 1906.
- Likowski, Edward. *Historia unii Kościoła ruskiego z Kościołem rzymskim*. Poznań, 1875.
- Pelesz, Julian. *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart*. Bd. 1. Wien, 1878.
- Radwan, Marian. *Carat wobec kościoła grekokatolickiego w zaborze rosyjskim. 1796–1839*. Roma, Lublin: Polski Instytut Kultury Chrześcijańskiej, 2001.
- Rzemeniuk, Florentyna. *Unicy polscy 1596–1946*. Siedlce, 1998.
- Śliwa, Tadeusz. „Kościół grekokatolicki na «Ziemiach zabranych» (1815–1875)”. W: *Historia Kościoła w Polsce*. T. 2 1764–1945. Cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor, 497–503. Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979.
- Śliwa, Tadeusz. „Kościół grekokatolicki w Galicji (1815–1918)”. W: *Historia Kościoła w Polsce*. T. 2 1764–1945. Cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor, 628–649. Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979.
- Śliwa, Tadeusz. „Kościół grekokatolicki w królestwie Polskim (1815–1875)”. W: *Historia Kościoła w Polsce*. T. 2 1764–1945. Cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor, 503–511. Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979.
- Śliwa, Tadeusz. „Kościół grekokatolicki w latach 1696–1764”. W: *Historia Kościoła w Polsce*. T. 1 do roku 1764. Cz. 2 do roku 1506, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor, 458–478. Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1974.
- Śliwa, Tadeusz. „Kościół grekokatolicki w Rzeczypospolitej (1764–1795)”. W: *Historia Kościoła w Polsce*. T. 2 1764–1945. Cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor, 105–121. Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979.
- Śliwa, Tadeusz. „Kościół grekokatolicki w zaborze austriackim (1772–1815)”. W: *Historia Kościoła w Polsce*. T. 2 1764–1945. Cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor, 288–301. Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979.
- Śliwa, Tadeusz. „Kościół grekokatolicki w zaborze rosyjskim (1772–1815)”. W: *Historia Kościoła w Polsce*. T. 2 1764–1945. Cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor, 219–235. Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979.
- Śliwa, Tadeusz. „Kościół prawosławny w państwie polsko-litewskim”. W: *Historia Kościoła w Polsce*. T. 1 do roku 1764. Cz. 1 do roku 1506, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor, 383–391. Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1974.
- Śliwa, Tadeusz. „Kościół prawosławny w Polsce”. W: *Historia Kościoła w Polsce*. T. 1 do roku 1764. Cz. 1 do roku 1506, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor, 254–256. Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1974.

Śliwa, Tadeusz. „Kościół prawosławny w Rzeczypospolitej (1764–1795) i w Księstwie Warszawskim (1807–1815)”. W: *Historia Kościoła w Polsce*. T. 2 1764–1945. Cz. 1 1764–1918, red. Zdzisław Obertyński, Bolesław Kumor, 121–128. Poznań–Warszawa: Pallottinum, 1979.

Snyder, Timothy. *Rekonstrukcja narodów. Polska, Ukraina, Litwa, Białoruś 1569–1999*. Warszawa: Wydawnictwo Fundacji Pogranicze, 2006.

Wodzianowska, Irena. *Zmierzch Unii. Struktury terytorialne i personalne Cerkwi greckokatolickiej w drugiej połowie XVIII wieku na Braclawszczyźnie*. Lublin–Tczew, 2018.

Streszczenie

CARSKIE REPRESJE WOBEC CERKWI GRECKOKATOLICKIEJ NA POŁUDNIOWO-WSCHODNICH RUBIEŻACH RZECZYPOSPOLITEJ W KOŃCU XVIII WIEKU

W artykule przedstawiono działania rosyjskiej cesarzowej Katarzyny II, mające na celu wyłączenie parafii unickich spod jurysdykcji Kościoła Rzymskokatolickiego w nowo włączonych do Rosji z Rzeczypospolitej ziemiach ukraińskich. Na podstawie materiałów archiwalnych wykazano opór kleru i parafian Kościoła Greckokatolickiego wobec gwałtownego powrotu do Kościoła Prawosławnego.

Słowa kluczowe: Rzeczypospolita, wyznanie, Kościół Rzymskokatolicki, cerkiew prawosławna, Kościół Greckokatolicki

Abstract

TSARIST REPRESSION AGAINST THE GREEK CATHOLIC CHURCH ON THE SOUTH-EASTERN FRONTIERS OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH AT THE END OF THE 18TH CENTURY

The article shows the actions taken by the Russian Empress Yekaterina II. They were aimed at excluding Greek Catholic parishes of the Ukraine from the jurisdiction of the Roman Catholic Church. They had been the part of Commonwealth of Poland and became newly-connected to Russia. It demonstrates, on the base of archival materials, the resistance of the clergy and parishioners of the Greek Catholic Church to the violent return to the Orthodox Church.

Keywords: Commonwealth, confessions, Roman Catholic Church, Orthodox Church, Greek Catholic Church